

Сергей БАГРОВ

Светлой памяти Николая Рубцова

ДЕРЗАНИЕ

Очерки, интервью, этюды

ВОЛОГДА

2011

С. Б.

Говоря об Александре
Сергеевиче Пушкине, Рубцов
сказал невольно и о себе:

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России
И погиб, отражая ее.*

ГЛАВНОЕ БОЖЕСТВО

Человек должен быть счастлив! Всегда! Николай Рубцов, при всей его внешне сумбурной жизни, понимал это как никто. И стремился к тем вечным красотам, какие им были воспеты в его стихах, благо тогда он только полно и жил, когда находился в горении слова. Жизнь повседневная и жизнь, рождающая шедевр. Эти две жизни стояли друг против друга, как два враждующих стана, вызывая в душе поэта предощущение катастрофы, которую он, иронически улыбаясь, решительно отвергал, хотя, как игрок, заигрывающий со смертью, знал, что на этом свете оставлено место и для нее. Спасала поэта от катастрофы - главное его божество - родная природа и то, что он мог нести ее в сердце и радоваться, когда удавалось сказать о «грозном и прекрасном» мире все, что требовала душа.

Успокоение. Слово это слишком большое, вмещает в себя не только вселенский покой, но и земные счастье с любовью. Обо всем об этом поэт многократно высказывался в стихах. А однажды летом (не помню какого года), когда мы, несколько человек - Рубцов, Коротаев, Романов, Белов, Сушинов и я, собрались у кого-то из нас на квартире, и читали по очереди книгу «Ходю», Белов сказал:

- Отличная проза! Написано про китайца, а читаешь, как про себя.

- Именно так! - засветился Романов. - Беда за бедой колошатят этого пилигрима! А он, вопреки этим бедам, спокоен и даже весел!

- Неунывающая душа! - улыбнулся Сушинов.

- И у нас, - подхватил Коротаев, - сколько таких неунывающих

Ходей разбросано по Руси. Живучие, как муравьи. Никакая их сила не уничтожит! И вот спрашиваю у вас: чем живут эти Ходи?

- Силой своей души, - ответил Рубцов, - спокойствием духа. И еще: неумением обижаться и обижать... - Сделав паузу, Николай чуть прищурил глаза. - Хорошо бы об этом сказать стихами.

- В чем же дело! - не выдержал Коротаев. - Скажи!

- Непременно скажу! - согласился Рубцов. - Через книгу. Я и название ей придумал: «Успокоение». Собственно, книга почти готова. И лежит в моей голове. Остается ее записать и издать...

Приблизительно так говорил Рубцов за этим застольем. И надо думать, свой замысел смело осуществлял. Мне и позднее не раз приходилось слышать от Николая:

- Надо такую книгу, где бы редактор был со мной заодно и нигде бы меня не правил.

Но Рубцов не успел. Книга, в которой бы все было так, как хотелось поэту, так и не вышла. И слова поэта, что он назовет ее «Успокоением», так и остались словами.

Ан нет! В моих руках книга «Николай Рубцов». Автор ее - Тамара Данилова. Вот что она сообщает:

«В Вологодском архиве в рубцовском фонде среди других материалов и документов хранится листок, на котором рукой самого Рубцова написаны (и пронумерованы) названия тринадцати девяти стихотворений с общим заголовком «Успокоение». По-видимому, это проект несостоявшегося сборника стихов.

Сегодня, когда жизнь поэта в некоторой степени изучена, не приходится удивляться, что он так и не смог выпустить ни одной своей книги в желаемом виде. По всем его прижизненным изданиям прошла рука редакторов, которые по своему усмотрению подбирали и расставляли стихи. Отдавая дань уважения Великому Поэту России, мы считаем своим долгом издать сборник стихотворений Николая Рубцова в задуманном поэтом виде».

Воистину, Рубцов и после жизни остается для нас действующим поэтом. Вот как объясняет Тамара Валентиновна это емкое слово:

«Успокоение - это достижение единства и гармонии с Природой, с мирозданием, это счастливые моменты, когда человеком овладевает ощущение цельности и полноты жизни! При этом отступает и боль душевная, и тревоги сиюминутные пропадают, наполняется душа человека силой и красотой, взлетает дух человеческий вольным соколом». И еще:

«Единство с Божественной Природой - основа поэзии Николая Рубцова, основа жизни поэта. Он жил в Природе, она - в нем. Все во всем. Вот Божественная суть жизни наших предков. Единство с Природой - это не только проживание на природе, скажем, в сельской местности, это и следование ее Законам, что предполагает их Знание, (то ли утраченное в связи с принятием христианства на Руси, то ли так и не успевшее стать законом жизни наших предков?). Гениальному Рубцову было дано понимание души и языка Природы, души мироздания.

Если и бывал он в повседневной жизни, которая ставила перед ним сложнейшие и неразрешимые силами отдельно взятого человека проблемы, раздражительным или колючим, то на природе совершенно преображался, не просто отдыхал, весь высветлялся, сливался с окружающим миром, душе его «сходило УСПОКОЕНИЕ».

НЕЛЬЗЯ!

Москва. Октябрь 1964 года. Общежитие Литинститута. Хозяин комнаты осетинский поэт Хазби Дзаболов перебирает подстрочники, передавая их Николаю Рубцову.

- До Нового года сможешь? – спрашивает Хазби.

- Смогу, - отвечает Рубцов.

Мы с Анатолием Передреевым только что возвратились из магазина. Ставим на стол бутылку Московской. Подстрочники - в сторону. Садимся к столу. Передреев смотрит на меня:

- За что?

- За орлов. Таких, как Рубцов, Передреев, Дзаболов! – себя специально не называю, полагая, что я до этого не дорос. Приют, доброта, расположение к разговору.

Рука Дзаболова потянулась к бутылке. Но тут Рубцов окидывает меня с Передреевым непонимающим взглядом:

- Это же некультурно. Ничем не закусывать после водки.

Об икре я не говорю. О хлебе! Почему его не купили?

Передреев срывается к двери.

- Икры я, конечно, не обещаю. Но хлеб – пожалуйста. Я – сейчас.

Поход Передреева по этажам затянулся. В комнатах, где обитали студенты из русских провинций, хлеба не оказалось. Ему показали на дверь, двумя этажами выше, где жили грузины:

- Там есть.

Передреев вошел к ним, как входят к своим. Увидев стол, а за ним четверку спортивного склада чернявых горцев, он улыбнулся:

- Выручайте, ребята! Хлеба забыли купить. Дайте до завтра!

Налитые кавказским здоровьем плечи не шелохнулись.

Передреев увидел тарелки с сыром и колбасой, пару бутылок вина, виноград и нарезанный хлеб. Готовились к ужину, и приход его был, пожалуй, некстати. Почувствовав это, он хотел, уже было уйти. Но один из горцев жестом руки попросил его задержаться. Второй из них взял со стола ломтик хлеба. Третий, приняв этот ломтик, проткнул в нем пальцем дыру. Четвертый расширил дыру и, подняв ломток к лицу, посмотрел сквозь отверстие черным глазом.

Передреев встретился с глазом, глядевшим из хлеба, как наглая мордочка из норы. Он бешено развернулся, пнул ногой в дверь и, разъяренный, спустился по лестнице к нам.

- Они меня оскорбили! – слова на губах Передреева, право, скакали, настолько он был взволнован и возмущен. – Пошли! – Он загреб рукой воздух, забирая в гребок и нас. – Пошли бить грузин!

Жест Передреева был эффектен и в миг сорвал нас из-за стола. Я сам не заметил, как бросился к двери, где нас ждал оскорбленный поэт. Но тут почувствовал пальцы Рубцова, схватившие борт моего пиджака. И голос его:

- Нельзя!

Минуту спустя, когда мы чуть поостыли, Рубцов сказал, как мог сказать, наверное, только пророк:

- Грузины, хотя и советские люди, но нас бы русских, не пощадили. Постарались бы всех четверых запечатать в тюрьму. А туда нам нельзя. Что нас ждет впереди?

- Свобода, - сказал Передреев.

- А что еще?

Улыбнулся Дзаболов:

- Ненаписанные стихи.

ДЕРЗАНИЕ

«Пусть душа останется чиста!» Под таким названием 27 января 2007 года Санкт-Петербургский Рубцовский центр, «Союз вenedов» и общественная организация «Вологодское землячество» в Санкт-Петербурге» провели литературно-музыкальный вечер, посвященный памяти Великого русского поэта Николая Рубцова.

В центре внимания оказалось выступление Сергея Петровича Багрова, друга поэта с юных лет, вологодского писателя, автора книги «Россия, Родина, Рубцов». Его бесценные воспоминания о Николае Рубцове помогают нам постичь характер и судьбу поэта.

Сергей Петрович дал интервью для наших читателей.

Тищенко А.Б.: В просветительной деятельности «Союз вenedов» значительное внимание уделяет такому явлению русской культуры, как Николай Рубцов. В чем, по Вашему мнению, особенности личности этого русского самородка?

Багров С.П.: Я знаю, что Николай Рубцов уже в юности, в возрасте 14-15 лет, тяготел к древности, стремился к познанию нашего прошлого. Как сейчас помню, когда мы,

Город Тотьма. Вознесенский собор. Высокая крыша его чувствовала шаги 15-летнего Коли Рубцова, когда он поднимался к решетчатым окнам, чтобы оттуда увидеть всё.

учащиеся первого курса Лесного техникума сидели на крыше Вознесенского храма, готовясь к экзаменам, то буквально все с головой уткнулись в учебники и конспекты. Один лишь Рубцов позволил себе пренебречь всеобщей зубрежке. Все, что положено было ответить на предстоящих экзаменах, он, благодаря своей исключительной памяти, знал и так. Потому и лежал, сняв рубашку, на крыше и как бы бездельничал. Лежал и окидывал взглядом красивую летнюю Тотьму, смотрел на Сухону, по которой шли баржи и пароходы. И видел не только внешнее, но и то, что было дальше, успратаннее и глубже. Видел всю землю. Возможно, и те времена, которые были забыты, но он каким-то загадочным образом их ощущал.

Его интересовало все, что когда-то происходило в родном древнем городе Тотьма. В каждом дворе и оконце открывалась ему культура нашего города. Культура не просто сегодняшнего дня, культура в ее истории, идущей от самых первых ее шагов.

Николай задумывался о возникновении рода человеческого, о наших дохристианских корнях, о том, что произошло на Руси после крещения. Он стремился понять: почему человек беспредельно устойчив, почему до сих пор жива его корневая сила, идущая от земли, как у могучего дерева, которое не может повалить никакая буря.

Более всего его интересовала славянская, русская натура. Интересовали и сильные личности: как гениальные творцы,

так и великие злодеи, подобные Чингсхану. Род человеческий может продолжаться только через мужественных, выносливых и сильных. Сильных, в первую очередь, душой и духом. Дух – это высшее проявление души, такое состояние, когда человек способен на подвиг, может совершить невозможное, то, что никто никогда до него не совершал. Этим и занимался Николай Михайлович на протяжении всей своей жизни, начиная с детских лет.

Еще в детстве он смело брался за гармошку или за сочинение и чтение собственных стихов. Получалось, не получалось, но брался снова и снова. Будь то наигрыш на гармошке или стихотворение, исполнение затеянного доводил всегда до лучшего, в его понимании, результата. Совершенствовался на собственном опыте. И был при этом самокритичен, видимо, потому, что первым учителем в таких опытах был он сам.

Николай понимал, что придут такие времена, когда люди будут друг друга понимать. Душевных людей в России, каких он всегда любил и искал, очень много, но беда в том, что они друг от друга находятся далеко, как если бы между ними глухой лесной перелесок, и от сердца к сердцу не докричатся.

В деревне ли находился поэт, или в городе, везде стремился, чтобы рядом с ним были братья по духу, которые так же, как и он, охвачены единым порывом, единым стремлением запечатлеть духовную жизнь своей родины. У Николая Михайловича такая работа шла через поэзию. Его стихи и песни отражали историю России, суть русского человека, загадки его неповторимой души.

Рубцов воистину авторитетен в своем народе. Авторитетен по большому счету. Буквально все социальные слои населения испытывают к нему, пусть и разновеликую, но любовь. Рубцов светится, как счастливое возвышение. И это потому, что для русского народа – Николай Михайлович

– самый глубокий и самый естественный выразитель его настроений.

Люди мечтают о чем? О том, чтобы жизнь была не просто свободной (свободы, как таковой, может быть, и не надо), не только материально более-менее сытой, но чтобы иногда улыбалось и счастье. Не насыщение жизнью, не довольство ею, а доволение жизнью – от Рубцовских стихов – через собственную душу. Душа полна и спокойна – чего еще надо? Деньги нужны, конечно, но это не высшее устремление. Высшее, чтобы у людей от сердца к сердцу не было расстояния. Чтобы можно было друг до друга достучаться в любое время.

Николай Михайлович всегда обращался к прошлому для того, чтобы почувствовать будущий день. Сквозь сегодняшний день, охваченный зачастую растерянностью и хаосом, отчетливо проступают примеры великого мужества. Сколько известных, а еще больше безвестных подвигов позади! Так что нам есть из чего выбирать, чтобы стать чище, благороднее

*Правый берег
Сухоны. Село Красное.
До родины детства
Николая Рубцова - 25
километров.*

*Слева направо:
Сергей Багров, Сергей
Чухин, Сергей Алек-
сеев, Василий Елесин,
Виктор Кортаев.*

21 сентября 1985 г.

и служить не только своему животу, но и Родине, чем всю жизнь и занимался Николай Михайлович.

О следующем витке жизни всей планеты, мыслил поэт масштабно, думал за всех, и жизнь прожил за всех, побывав в шкуре каждого, кому тяжело или плохо, грустно или светло, оттого и стихи его воспринимаются всеми слоями населения, всеми возрастами.

А.Т.: *Можно ли Николая Рубцова отнести к какому-либо духовному течению? Какие силы одухотворяли и вдохновляли Николая Михайловича на создание истинно народной поэзии?*

С. Б.: Николай Михайлович выше всех условностей, всех верований. Ни отвел ничего, что выходило из жизни. В то же время видел самое святое, может, самое сокровенное, что рождается из недр народных.

Я помню состояние Николая, когда у него появлялась

новая строчка будущего стихо-творения. Как у него сияло лицо! В это же время он думал о следующей строчке, а, думая о ней, видел световую бесконечность нашей земли. Видел, может быть, дальше, чем видели ее историки и летописцы жизни.

А то, что кто-то относит Рубцова к каким-то течениям, я

считаю это наносное, надуманное, не относящееся к поэту. Самое верное: у нас есть – жизнь, и то, что люди хотели бы верить и верят в силу добра, света, тепла и солнца. Лучше этой веры ничего и быть не может!

Николай Михайлович прекрасно это выразил через свою лирику. К примеру, его стихотворение «Сентябрь» начинается так: «Слава тебе, поднебесный радостный краткий покой!» Это не просто жизнь, это сам гимн жизни, преддверие будущего, где будет всё, без чего не может душа. У Николая Михайловича чувство встречи со всем, чем наполнена наша природа,

всегда величественно и многоёмко.

Рубцов, как и все великие люди, умел видеть чрезвычайное. А оно затаилось в нашей природе. К сожалению, мы ее во многом не знаем, не понимаем, хотя она нам и даёт немало подсказок. Рубцов пользовался этими подсказками, чтобы выразить переlivы и перепады своего внутреннего состояния.

В человеческой породе так уж заложено, что кто-то свое дело должен делать лучше всех. Отсюда и мировые открытия. Отсюда лишь единицы из миллионов в предчувствии сокровенного и открывали необыкновенные связи всех времен и всех поколений. К таким открывателям можно отнести и Рубцова.

В видении поэта храм, собор – это понятия более просторные, нежели сами строения, в которых молятся и совершают обряды. Рубцов, казалось бы, был неверующим. На моих глазах он ни разу не перекрестился. Хотя икона всегда висела у него на стене, особенно в последней его вологодской

квартире. Думаю, что она очищала его. Всё возведенное русским народом в крупную величину, поэт нес в душе как веру в нечто святое и вечное. Это вера волновала его и воспринималась им как блистающая частица дорогой ему родины России.

Такие поэты, как Николай Рубцов, кто стал порождением русской нравственности и отечественной культуры, - явление редкое. Кого можно перед ним поставить? Немногих. Да он сам называл их имена: Александра Сергеевича Пушкина, Федора Ивановича Тютчева, Лермонтова, Фета, Блока, Есенина, Кедрова. Все гении были для него великим примером. Он восхищался Тютчевым, как знатоком всех лавинных чудес на небе, всех стихий над землей и на земле. Очень любил он Дмитрия Кедрина, поэта колоссальной величины. Много русского почувствовал Рубцов в этом поэте. Русское же Рубцов постоянно искал везде и всюду: в деревне Николе, в Тотьме, Вологде, на Ветлуге, в Архангельске и в Сибири, в беседах с людьми, в удачных строчках малоизвестных, а то и вообще неизвестных поэтов.

Белов, Рубцов, Коротаев.

Любопытствующая душа поэта не имела берегов. Была она безгранична. Для Рубцова было совсем неважно, кем его собеседник был, где он работал. Важным была для него - душа, соприкасавшаяся с его поэтической душой, которая открывалась ему через чудесный русский язык. Язык же, как бескорыстный подарок, отдавался ему через беседу. Общение с самыми разными людьми, будь то никольский колхозник, тотемский ли преподаватель, - кто угодно и где угодно, помогало поэту лучше и шире чувствовать жизнь. Помогало ему воскрешать в глубинах души поэтические видения и картины, без которых поэту нельзя.

Примеры мужественного стояния заранее обреченных - вот еще что волновало всегда Рубцова. Поразила его трагическая судьба Дмитрия Кедрина. Многократно он возвращался к вопросу: как могли такого человека зарезать? Поэт полагал, что в этом виноваты не случайные уличные хулиганы, а именно те, кто за ними стоял, кто стремился русское уничтожить, чтобы оно больше не продолжалось.

Собственно, то же самое произошло и с Николаем Михайловичем. Многие наши вологодские писатели предполагают, что кому-то дана была установка: с помощью длительного измора, бытовых неудобств и постоянного безденежья спойть поэта. Чтобы стало Рубцову плохо. Чтобы он сорвался однажды. Нарвался бы на скандал. Умелая рука направляла его по злему пути. Однако Рубцов устоял.

Хотя и поплатился собственной жизнью, но не пошел по этой дороге. И приписать ему будничную смерть от бытовой ссоры было бы, пожалуй, неверным.

Речка Толима.

Мы понимаем, какое окружение у нас сейчас, какое противостояние всему русскому. Однако прочное, совестливое, основательное, пришедшее к нам издревле все-таки остается, живет с нами и в нас благодаря тому, что мы питаемся той же духовной пищей, какой питался и Николай Рубцов.

А. Т.: Как у Николая Рубцова появились переводы?

С. Б.: Рубцов переводил нескольких поэтов. Особенно долго работал с Хазби Дзаболовым. Известны многие стихи, принадлежащие перу Хазби Дзаболова, но фактически их написал по подстрочникам Николай Рубцов.

Николай не за всякие переводы брался. Если в подстрочниках видел выражение чего-то глубинного, что касается России или вообще жизни на земле, где есть сострадание, где чувство жизни и смерти соприкасаются между собой, в конце концов, идет чуть ли не поединок между ними, на уровне двух крайностей., то Рубцов заряжался внутренним сильным огнем, чувствовал, что это устроит и Дзаболова, и его самого.

Во всех переводах звучит интонация Николая Рубцова, где он приветствует саму основу жизни. В переводах совершенно не различаешь национальностей. Казалось бы, описывается осетинская жизнь, а улавливается одновременно образ и кавказского аула, и нашего вологодского села. И душа, душа-то человека родственна, - что у кавказца, что у русского. Вот такое единение высвечивал Рубцов в своих переводах.

Хазби Дзаболов трагически погиб 19 января 1969 г. В свое время он считался классиком осетинской литературы. В немалой мере этому поспособствовал Николай Рубцов.

Восприятие от стихов Дзаболова точно такое же, как от стихов Рубцова. Читая этих двух классиков, ощущаешь себя

лучше, возвышеннее и чище. В этом и кроется объединяющая сила двух культур.

А сейчас не поймешь, что творится между русскими и кавказцами. Все люди, казалось бы, должны жить единым и непременно видеть свой завтрашний день. Рубцов всегда стремился, чтобы его стихотворения вызывали чувство гордости за свою страну. И этой страной он считал не только Россию, но и кавказские республики. Так, собственно, и есть. Его

поэзия вызывает не только чувство гордости за родную страну, но и чувство восхищения, и желание продолжать жизнь, на каких бы широтах она не протекала.

А.Т.: Сергей Петрович, я хотел бы продолжить беседу цитатой из Вашей книги. Вы пишете: «Осенней порой 1950 года учащийся первого курса Тотемского лесного техникума Коля Рубцов стоял на крыльце деревянного дома и, глядя на роняющий в шепоте чутких черемух Кореповский ров, на резвых козлят во дворе, на скамейку

под окнами и белеющую дорогу, по которой тащился гнедок, везя на телеге бочку с возницей, взволнованно говорил:

- Как много тут русского! Как я люблю эту местность!

Откуда всё это? И для кого? Ты не знаешь?

- Не знаю, - ответил я.

- Значит, мне предстоит.

- Что предстоит?

Рубцов показал на двор, огород, ров и рощища деревья:

- Узнать: почему всё это так сильно действует на меня...»

В то время, когда вам было по 15 лет, Вы ответили «не знаю». А что бы Вы сказали сейчас?

С. Б.: Сейчас я бы ответил, что его бывшее волнение было вполне естественно, органично. Незначительные, казалось бы, детали: какой-то возница проехал по дороге, какой-то связист полез на почтовый столб. Тем не менее, все это поразило его воображение. Поразило и само богатство природы.

Сама обстановка, пейзаж – это всё его, всё в нём, этим он жил и всю жизнь разглядывал это. Может быть, его самое запредельное желание – жить в такой стихии, где было бы всё гармонично и не было бы разлада с окружающим миром. Это его и спасало. Наша отечественная природа, и в самом деле его спасала, и что удивительно, постоянно влекла его к какому-нибудь источнику, будь то река, озеро, пруд, а то и просто колодец.

В Никольском, когда мы беседовали, деревенские ребята часто подходили к нам, усаживались на берегу Толшмы или около колодца – разговор в таких случаях проходил у нас как-то по-свойски, по-домашнему, обязательно с острыми словечками, с юмором и улыбкой. И было нам всем очень удобно и очень уютно. Возникало естественное соединение людей с природой. Как будто и человека-то из нее выделить нельзя – всё – и берег реки, и вода, и мы были едины. Не

*Город Тотма, Кооперативная №8 (ныне - Гущина №12).
В этом доме, где жили родители Сергея Багрова,
Николай Рубцов бывал много раз. Впервые он посетил
его в июне 1951 года. Тогда начинающему поэту было
15 лет.*

случайно в стихотворении Рубцов называет себя и листом, и дождем, потому что действительно он таковым себя чувствовал. Здесь нет никакого преувеличения. Ему было очень хорошо и счастливо в этом чувстве, в этом слиянии «доволен я буквально всем».

Вода была первоисточником жизни, первый человек жил около воды, вода его взлелеяла. Рубцов, наверное, ощущал зов к изначальной стихии. Эта непостижимая связь, желание быть около воды и на воде жили в нем постоянно. Если куда-то уезжал, то обязательно писал: «Как я скучаю по сухонским пароходам, по паромам, по лодкам». В Вологде всегда стремился ходить по улицам, которые вели к реке Вологде, любил пристань, место у реки, где открывалась главная церковная панорама, где храм Софии и колокольня. Не мог

жить вне природных постоянств и стихий. Отдели его от них, то это был бы уже не Рубцов.

А.Т.: Рубцов переживал распад деревни, то, что в ее красоте нет «возвышенной силы», разрушены церкви, исчезли веселые праздники. Но главное, оскудела душа, измельчал человек. Однажды он обронил фразу: «Боюсь, что отсюда сбегу. Вероятно, в Сибирь, где еще русское не исчезло».

С.Б: На всех посиделках, особенно деревенских, сельских, да и в Вологде, он был душой общества. Рубцов не представлялся тогда без гармонии. Я видел, приезжая к нему в Николу, - клуб унылый, серые стены, скучные плакаты. И вдруг Николай берет гармонию или баян. На голос гармошки постепенно сходятся люди. Возникает поворот от равнодушия, вялости и скуки – к хорошему бодрому настроению.

Музыкальный талант Николай унаследовал у своих родителей. Не имеет значения, на каком инструменте он играл – всегда у него получалось весело и с задором.

Помню, в Тотьме, в Лесном техникуме, он взял однажды в красном уголке мандолину – уж какой казалось бы, инструмент, - уселся на травяной бережок над дорогой и давай искать мелодию, а под нее и песню на собственные стихи. Минуты не потребовалось, а возле поющего под мандолину подростка - и девушки, и ребята, и всем хочется быть здесь, и только здесь.

Рубцов очень ценил проступавшие отголоски забытых праздников, вечеров и гульбищ. В 60-е годы праздников в русской деревне было мало. Виноваты в этом запреты и взгляды искоса представителей разных строгих контор, которые любое отступление от советского образа жизни рассматривали, как пережиток дореволюционной деревни, который надо обязательно искоренять, не допускать, чтобы он внедрялся в быт современного села. Осколки бытовавших сельских гуляний все-таки оставались. Рубцов остро их чувствовал,

всегда с удовольствием в них участвовал, и участвовал не пассивно, а именно как заводила компании, душа общества. Знал очень много частушек, народных песен.

Деревенские старушки знали старые песни. Знала их и молодежь. В 40-е, 50-е годы были в ходу и хороводные. Такие, например, как «А мы просо сеяли-сеяли»... Подобные песни исполнялась даже в школах. Обычно на большой перемене выстраивались ряды учеников с пионервожатыми. А иногда и с учителями. Девушки водили хороводы и запевали именно те песни, что пришли из Средневековой Руси.. И Николай, ходил в хороводах, рядом с такими же, как он ровесниками-весельчаками, среди резвых девушек-одногдок..

Но самыми главными для него были все-таки собственные песни. Песни, в которых торжествовала русская душа.

Рубцов понимал, что многое уже утрачено. Печалился оттого, что так мало оставалось русского. Русского из тех времен, когда жили и хлебосольно, и сыто, и праздники свои справляли размашисто и просторно. Когда были в ходу легенды и сказки, в каждом селеньи водились свои неповторимые чудачки и богатыри. И вот ничего этого как бы не стало. Потому и возникало у него желание покинуть свою Николу. Он порывался в Сибирь, где, по его мнению, русское, сохранилось. Мы с Ваней Серковым, другом его по детству, когда разводили на берегу Толшмы прощальный костер, говорили Рубцову, что все-таки русское никуда не девалось, просто оно притихло, заснуло на время, однако проснется,

Россия снова воспрянет, и будет всё так же, как встарь. Действительно, Рубцов после ряда своих поездок на Ветлугу, в Сибирь и в другие места убеждался, что чисто русского нигде теперь нет, что искать его бесполезно, что, если, где, и осталось оно, то в ином, изменившемся виде. Не изменилась разве душа русского человека. Душа-вольница. Николай Михайлович твердо верил, что русский человек никогда не выродится. Никогда не будет он посрамлён, а, тем более, покорён. В этом он был готов даже поклясться.

А.Т.: Николай Рубцов как никто умел оперировать вечностью. И за это страдал, потому что редакторы требовали стихов современных и порицали его за их архаичность.

С.Б.: Многие просто не понимали сути его поэзии, слишком уж в советском духе воспитаны, были до невозможности осторожны и боязливы. Таковыми были, к сожалению многие редакторы и издатели. Первая его книга «Лирика» именно из-за этого и пострадала. Святые русские слова, которые он принес из глубокой давности, не встретили одобрения. Такие стихи или вообще выбрасывались, или подвергались редакторской правке.

Рубцов не очень любил участвовать в литературных семинарах. На одном из них, которым руководил Сергей Васильевич Викулов, его упрекали за то, что слишком много внимания он уделяет старине, патриархальщине. А где сегодняшний день? Где люди партии? Где комсомол? Николай Михайлович такую критику не принимал. Порой даже уходил с таких обсуждений, и сам поневоле становился центром другого семинара, где шел неофициальный, но настоящий разговор о поэзии, о душе, о человеке и вечности.

Рубцов стремился познать не только то, что есть у нас на земле, но и то, что там, за звездами, в иных мирах, в пределах вселенной. Не случайно многие его стихи проникнуты

ощущением мироздания, хаоса, катаклизмов природы. Как будто он сам пришел оттуда, в совершенстве владеет тайнами высших сил, и может разговаривать с нами не как рядовой человек, а как Учитель.

А.Т.: К настоящему времени накоплен богатый материал о судьбе и творчестве Николая Михайловича. Наверное, после этого должен наступить этап осмысления. Кем является Рубцов для русского народа?

Вологда. 1964 г. Участники поэтического семинара. Крайний справа - Николай Рубцов.

На этом семинаре стихи Рубцова были подвергнуты резкой критике. Не согласившись с критикующими, Рубцов покинул семинар.

С. Б.: Для русского народа Рубцов – это, во-первых, душа, это воплощение его глубинных устремлений и настроений.

Человек и поэт – две личности Николая Михайловича. Если человек в нем был порою раздражительным, нетерпеливым, ершистым и даже вредным, как и любой из нас, то поэт – только чистый, почти как святой. Никто еще такой девственной поэзии не поставлял. Поэзии, которая из души в душу ведет молитву о самом щемящем и сокровенном. Трудной жизнью жил поэт, но смог подняться над трудностями нашего бытия, над всеми скандалами нашего времени.

Слушая стихи и песни Рубцова, мы находим в себе силы, жить, не хуже других, нести в себе честь и совесть и видеть будущее свое таким, каким его видел поэт.

Интервью записала член общественной организации «Вологодское землячество» в Санкт-Петербурге Тамара ДАНИЛОВА.

БУДЕМ ЖИТЬ!

Представители легендарного поколения литературных «шестидесятников» один за другим отмечали 70-летние юбилеи. 3 января 2006 года исполнилось бы 70 лет со дня рождения навеки молодого поэта России Николая Рубцова. А всего через пять дней отпраздновал свое семидесятилетие известный вологодский прозаик, в прошлом - руководитель областной писательской организации Сергей Петрович Багров - земляк, соученик и близкий друг Николая Михайловича Рубцова. Эти почти совпадающие во времени даты Багров отметил самым лучшим для писателя образом - он издал книгу с исчерпывающим названием «Россия, Родина, Рубцов».

Михаил Скляр.

М. Скляр: *А вы не припозднились с этой книгой, Сергей Петрович? О Рубцове уже столько написано...*

С. Багров: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии» - писал Сергей Есенин. Большой талант - а Николай Михайлович Рубцов был изумительно талантливым человеком - не исключение из правил. Суетное и второстепенное река времени уносит в небытие. Остается только главное наследие настоящего художника - его творчество, его мироощущение...

М. Скляр: *Трудно спорить с человеком, знавшим Рубцова сызмала. Вы ведь вместе учились?*

С. Багров: Да, мы какое-то время вместе учились в Тотемском лесном техникуме. Хотя оба поступили туда не по зову сердца. Николая с детства манили путешествия, экзотика дальних стран и дальних дорог. Помню, он грезил о Рижском мореходном училище, но, как говорится, фактурой не вышел - был невысок, суховат, не косая сажень в плечах. Однако внутренний настрой души - приподнятый, романтический -

Николай Михайлович сохранил до самых последних дней жизни. И даже пройдя через тяжелые испытания бытом, через горнило страстей и человеческих слабостей, в глубине души Рубцов остался самим собой. - яркоглазым тотемским мальчишкой, с которым мы в голодные послевоенные годы мечтали о прекрасном будущем.

Михаил Скляр: *В дальнейшем ваши дороги разошлись. Надолго ли?*

Сергей Багров: Время - относительное понятие. Когда нам не было и двадцати, каждый год представлялся целой жизнью. А я после учебы решил повидать отца, которого практически не знал, и уехал в Казахстан, где отец был в ссылке. Потом работал а минералогической партии, перебрался в Пермь, заочно учился в местном уничерситете на филфаке, учительствовал в поселковой школе. Но корни мои тотемские оказались слишком глубоки. Нигде я себя не чувствовал так естественно, так органично, как в родных местах, хотя подернутые хрустальной дымкой горные отроги Казахстана и суровые первозданные леса Приуралья до сих пор считаю красивейшими местами на планете...

Словом, сделав «большой круг почета», я вернулся в Тотьму. И был искренне рад вновь встретить здесь своего друга детства Николая Рубцова...

Михаил Скляр: *Я с интересом прочитал вашу книгу. И вот на что обратил внимание. В отличие от некоторых современных исследователей жизни и творчества Рубцова, вы как бы обходите стороной тему его трагической смерти. Не хотите беречь старую рану или есть какие-то глубинные причины?*

Сергей Багров: Видите ли, я я избрал другой предмет исследования. Я пытаюсь показать, как из крохотных искорок таланта разгорается огонь поэтического гения, как

из наивных детских упражнений в словесности выкристаллизовываются яркие образы русской жизни, русской природы, русского характера, как простой деревенский парнишка превращается в великого русского поэта. И нелепая смерть Николая Михайловича никаким образом не влияла на мою творческую задачу. Потому что в Рубцове будто бы сосуществовали две личности - сильный, мудрый, самобытный художник, наследник лучших традиций российской поэзии, и в то же время заблуждающийся, мятущийся по жизни человек. Кому-то интереснее анатомизировать его пороки, которые, конечно же, были. Но ведь пороки были не только у Рубцова. Солнце русской поэзии Александр Сергеевич Пушкин был, как известно, небезгрешен по части прекрасного пола. Михаил Юрьевич Лермонтов, по воспоминаниям современников, отличался чрезвычайно насмешливым и язвительным нравом, провоцировавшим конфликты с окружающими. и все же никто не может лишить гения права на ошибку. Тем более что гений чаще всего становится первой жертвой своих ошибок. Судьба Рубцова лишней раз это доказывает. Николай Михайлович рассчитался за свои ошибки по самому высокому счету, заплатив за них жизнью.

Михаил Скляр: *А вам никогда не приходило в голову, что безвременная смерть Рубцова была отчасти предопределена? Он неудержимо летел ей навстречу, словно мотылек на огонь свечи, и не реагировал на попытки близких людей предостеречь его...*

Сергей Багров: Мне не хотелось бы верить, что Николай Михайлович был «приговорен» умереть 35-летним молодым человеком, на подъеме творческих сил, с огромным потенциалом нереализованных планов. Разумнее вести речь о цепи трагических случайностей, погубивших выдающегося поэта.

Хотя есть люди, категорически противопоказанные друг другу. Судьба, к несчастью, толкнула Николая в объятия именно такого человека. Возможно, какого-то другого мужчину Людмила Дербина могла бы сделать счастливым, но в жизни Рубцова она

сыграла роль палача. Было ли это predetermined? Было ли это случайно? У меня нет ответа...

Михаил Скляр: *Сергей Петрович, а давайте представим, что Рубцов «разминусь» с Дербиной на жизненной дороге и дожил до нашего времени. Каким бы он был сегодня - «новым русским» литератором с большими заработками или прежним Колей Рубцовым - безалаберным, простодушным, азартно пьющим из бокала жизни?*

Сергей Богров: Николай Рубцов не был бы Николаем Рубцовым, если бы превратился в торгаша, спекулирующего своими принципами, своей совестью. Он был фанатично предан поэтической музе, которая сегодня подрабатывает Золушкой в богатых домах. Николай до самозабвения верил в свое избранничество, в свою особую миссию на земле. Сегодняшняя действительность, вознесшая на пьедестал языческого «золотого тельца», глубоко оскорбляла бы его отзывчивле и трепетное сердце.

Михаил Скляр: *Вы затронули проблему, далеко выходящую за рамки чьей-то индивидуальной судьбы. Даже такой незаурядной судьбы, как у Николая Рубцова. По существу речь идет о настоящем и будущем русской литературы. Как вы думаете, Сергей Петрович, вытеснят ли донцовы и маринины со своим «криминальным чтивом» шедевры отечественной литературы или все-таки русская классика выстоит, переживет коммерциализацию?*

Сергей Багров: Многое зависит от самих литераторов. Если настоящая литература противопоставит «девятому валу» литературной пошлости и цинизма надежный нравственный ориентир, по которому читатели сверяют свои мысли, слова и поступки, то мы будем жить и творить. Как живет сама Россия, пережившая войны, эпидемии, немыслимые социальные эксперименты, но не сдавшаяся, не исчезнувшая подобно Римской империи, а продолжающая идти встреч свету.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ НА БЕРЕГУ

Был холодный осенний вечер. Ты бродил по улицам Тотьмы, приподняв воротник продуваемого пальто. Был ты молод, в груди колотилось тревожное сердце, и глаза прорезали неверную мглу, где дремала не только Тотьма, не только Вологда и Россия, но и вся вечеряющая Земля.

Ты так много бродил, что устал и уселся на бронзовую скамейку, отвернувшись от Сухоны, чтоб не видеть парома и лодок. И задумался о грядущем, проникая умом в тот непрожитый день, где тебя назовут бесстрашным Поэтом, кто дерзнёт разговаривать с собственной Смертью и, осилив ее, утвердиться на тотемском берегу, как его естественный долгожитель.

БРЕМЯ

*Вслед за Николаем Рубцовым ушли в неведомое
Серена Чухли,*

Герман Александров,

Коля Дружининский,

Виктор Коротаев,

Леня Беляев,

Александр Романов,

Юрий Леднев,

Вася Елесин,

Алексей Шилов...

*Все они были певцы и поэты. Очень любили родину. И
хотели жить, жить и жить.*

Родина! Где твои урожайные нивы? Богатые зверем леса?
Рыбоносные реки? Неужели проданы и пропиты?

Родина! Кто ползет по твоим косогорам? Неужели новые
паразиты?

Родина! Подскажи всем нам праведный путь, без которо-
гомы погибнем?

Но в ответ – тишина, в мертвых сенах которой меркнет
трепетная душа, словно бремя, отвергнутое землёю.

НА СУХОНЕ

Алое здание средней школы. Перед ним исполинские тополя. Угор в позолоте песка, на котором среди реденькой травки пасутся грачи и грачата.

Вечер. Солнце припало к воде, беспокойным огнем освещая речную окрестность. Сухона в эту минуту кажется синей-синей. На том берегу ярко блещут цистерны. Молоденький ельник пронизан закатным лучом. Носятся в воздухе мухоловки, гоняясь за стаями комаров.

От крайних к берегу тополей открывается вид. Вправо, где светел и радостен запад, - синее плесо реки с пристанью, лодками, косогором, на котором перильца, березы, белая церковь Успенья, крыши, строения, провода. Влево, где сумрачно грозен восток, - такой же могучий простор, где так широко и вольно течет в берегах река, где зеленеют холмы и овраги, где небо, земля и вода окутаны тайной неслышимых звуков.

Отсюда от тополей, в сумери вечера смотрят глаза. Глаза утомленных. Глаза влюбленных. Глаза оставшегося в былом поэта, навсегда живого и молодого. Отсюда пошли летать по белому свету его тревожные строки:

Много серой воды, много серого неба,
И немного пологой нелюдимой земли,
И немного огней вдоль по берегу...

СОДЕРЖАНИЕ

Главное божество	2
Нельзя!.....	6
Дерзание.....	8
Будем жить!.....	25
Долгожитель на берегу.....	29
Бремя.....	30
На Сухоне.....	31

Вологда

2011